

The background is a rich, detailed oil painting of a forest. The scene is dominated by large, gnarled trees with thick trunks and dense green foliage. A path or streambed winds through the center of the forest, leading the eye towards a hazy, distant landscape where a small town or castle is visible on a hillside. The lighting is soft, filtering through the canopy, creating a sense of depth and atmosphere. The overall color palette is dominated by greens, browns, and blues, with a touch of yellow in the sky and foliage highlights.

Елена Мариныч

Проводник

Елена Мариныч
Проводник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977810

ISBN 9785447488574

Аннотация

Даже имея возможность убежать, мы остаемся с теми, кто нам дорог. Идем до конца, пусть шанс на победу – один из тысячи. Только так.

Содержание

1	5
2	12
3	19
4	29
5	38
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Проводник

Елена Петровна Мариныч

© Елена Петровна Мариныч, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Какого лешего вы тут делаете!

Звонкий голос девушки разнесся по лесу, заставив вздрогнуть троих мужчин, возившихся с трупом лисы.

– Вот зараза! И как она нас унюхала!?

С досадой проговорил здоровый детина и сплюнул себе под ноги. На мгновение все трое замерли. За их спинами стояла девушка, невысокого роста, с растрепанными волосами до плеч. Темно карие глаза сверкали от гнева, брови сошлись у переносицы. Спортивные штаны были заправлены в удобные полусапожки на толстой подошве. Поверх шерстяного свитера, штормовка защитного цвета. В руках лишь веревка.

– Шла бы ты отсюда.

Прошипел мужик и медленно поднялся на ноги. Развернув плечи, он с угрозой посмотрел на девушку.

– Жорик – погоди.

Второй из компании, не таких внушительных размеров как Жорик, вклинился в начавшуюся перебранку.

– Пашка, давай так: мы тебя не видели, а ты нас. Разойдемся по-тихому.

– Да не уж-то! Миротворец ты наш! Сезон охоты на лис еще не начался, а значит что?

– Да брось. Сама ведь знаешь, что впустую весь этот ки-пишь. Максимум штраф выпишут.

Глаза девушки сузились до щелочек. Она была так зла, что с трудом переводила дыхание. Конечно, он прав. Даже до штрафа дело не дойдет. Проставятся местному участковому и дело с концом. Не в первый раз. А её еще и отчитают за излишнее рвение. Пашка смотрела на троих здоровых мужиков у ног, которых лежала убитая ими лисица и понимала, что вся ее злость бессильна. Она не сможет добиться наказания. Не сможет? Что ж, тогда она сама накажет.

Гнев захлестнул разум. Веревка стала оружием. Пашка умела пользоваться веревкой. Та послушно изгибалась в ее руках, нанося хлесткие удары по рукам, лицам, ногам. Подойти к ней близко не было никакой возможности. Глаза девушки горели, а рот искривился в оскале. Веревка со свистом рассекала воздух, вновь и вновь нанося удары, пытающимся увернуться мужикам.

– Ты сдурела? Пашка прекрати! Блин! Стерва!

С такими восклицаниями, перемешанными нецензурной бранью, браконьеры отступали. Пока и вовсе не обратились в бегство. Пашка не могла остановиться. Она преследовала их до опушки леса, хлестая веревкой по спинам.

– Только попробуйте в лес сунуться – уроды!

Прокричала Пашка глядя вслед удаляющимся мужикам.

Стол был накрыт скатертью с вышитыми цветами. Где ее взял дедушка Яков, Пашка не знала. Дедушка считал, что в кухне стол следует накрывать скатертью, а никак не кле-

енкой. И есть нужно деревянными ложками. Нечего железо в рот тянуть. Пашка с ним не спорила. Она любила деда Якова, который вырастил ее и стал самым родным человеком. Своих настоящих родителей она и знать не хотела. Они оставили ее в лесу, у корней дуба совсем крохой. И если бы дед Яков случайно не наткнулся бы на нее, она умерла бы там, даже не осознав, что живет. Чем им помешал ребенок!? И распашонка была на ней дорогая и одеяльце, даже бант, которым был перевязан конверт, был из дорогой ткани. И еще, в одеяльце дед Яков нашел подвеску, старинную. Две головы ворона, смотрящие в разные стороны, опирались голову сидящего кота. А кот в свою очередь упирался лапами в расправившуюся крылья птицу. Подвеску Пашка носила. Лишь для того, чтобы не забыть о предательстве. Ведь так легко простить, когда ты ничего не помнишь, а прощать она не собиралась.

– Полюшка, тебе бы по кинам бегать, да парням головы кружить, а не по лесу мужиков гонять. Этак ты всю жизнь Пашкой проживешь.

Дед Яков нарочито суровил брови.

– Ну, деда! Если суждено мне замуж выйти, то жених и на печи найдет.

– Вот ведь заноза! На все ответ есть.

Дед Яков с улыбкой качал головой, глядя на Пелагею. Полюшкой называл ее лишь он, для всех остальных она была Пашкой. Ни девчонка, ни мальчишка. Школу окончила, что

говориться со скрипом. Нельзя было сказать, что ей трудно давались школьные предметы. Пашку возмущал тот факт, что все преподаваемые учителями премудрости надо было принимать на веру, так как они есть. А почему собственно? Почему нельзя усомниться в законах физики, или химии? А биология? Да о человеке далеко не все известно, не говоря уже об окружающем мире. И ни один преподаватель не ответил, почему у ящерицы хвост отрастает, а если человеку ногу оторвать то не отрастет? За этот вопрос Пашку не только из класса выгнали, но еще и дедушку в школу вызвали. А сколько возмущений было, когда дед Яков, усмехнувшись в бороду, сказал.

– Так ведь ребенок интерес проявил к предмету, рази ж учитель, не должен ответить?

Переиначить себя Пашка не могла, да и другие дела ее больше волновали. Лес, в котором дед всю жизнь был лесником. Вот там была наука настоящая. И преподавал ее дед Яков лучше, чем в школе физику. Так и стала Пашка дедушкиной преемницей. Хоть и хотел он, чтобы она другую профессию выбрала да в город перебралась. Но спорить с Пашкой не мог. Она всегда настаивала на своем, при этом умудряясь не обидеть. Да вправду сказать и дед Яков, не очень-то хотел расставаться с внучкой. Одиночество его страшило. Да и Полюшка его под присмотром будет. Болела душа у него за девчонку. Все беда мерещилась. Хоть и понимал,

что от старика проку мало, но все-таки на душе спокойней, когда она перед глазами.

– Ты бы поосторожней была в лесу. А ну как кто из обиженных тобой отомстить захочет!?

– Деда, не волнуйся. Хотел бы кто отомстить, то уже отомстил бы. Они только ругаются, когда меня видят, а с меня как с гуся вода. Ты же знаешь.

– Так-то оно так, да только вдруг кто злобу копит? Да часа своего выжидает?

– Хорошо дедуль. Буду осторожной. Обещаю.

Пашка понимала опасения дедушки. Сама не раз думала о возможности мести. Особенно от Жорика. Мужик он здоровый и задиристый. А как лишнего хватит, так и вовсе «крышу» сносит. Его Пашка опасалась. Ей бы попридержать свой нор, да не выходит. Всякий раз, лишь только гнев овладевает ею, так идет напролом. И неважно кто перед ней.

– Деда, я в село смотаюсь! Тете Вере корень солодки отнесу. Она просила меня накопать.

Дед только кивнул. Пашка вышла за калитку, а дед Яков наблюдал за ней стоя в дверях дома. Смотрел вслед, словно куда далеко провожал. И снова тревога сжала сердце. Что-то частенько в последнее время. Солнце клонилось к закату. Весеннее тепло пугливое, чуть сумеркам время настает, так и нет его. Пашка в черной курточке и неизменных штанах походила на мальчишку. Даже походка у нее была мальчишеской. Дед продолжал стоять в дверях, глядя на пустую

дорогу.

Пашка не планировала задерживаться у тети Веры надолго. Но уйти, не выпив чая с домашним печеньем не получилось. Хоть времени на чаепитие ушло не так уж и много, Пашка узнала все новости. Тетя Вера говорила быстро, много и при этом жестикулировала. Наблюдать за движениями ее рук во время разговора было забавно. Пашка пропускала мимо ушей сельские сплетни, лишь кивая головой делая заинтересованный вид. На самом деле ей были безразличны страсти жителей деревни Столбы. Здесь, как и в любой другой деревне, все были на виду. Казалось бы, откуда взяться сплетням, если ты как на ладони? Но всегда находятся люди, которые предпочитают домысливать очевидное, придавая, даже самым заурядным событиям скандальную окраску. Этого Пашка не понимала. Потому и пропускала мимо ушей «важную» информацию.

Домой пришлось возвращаться в сумерках. До темноты еще оставалось время, и потому, Пашка шла не спеша. Не потому, что она боялась темноты, просто не хотела волновать дедушку. Погрузившись в свои мысли, Пашка не заметила троих мужчин, стоящих у забора, под старым ясенем. Они подождали, когда она пройдет, и последовали за ней, стараясь не шуметь. Один из них нагнулся, поднимая увесистый камень. Пашка не успела ничего понять, лишь почувствовала сильную боль в затылке. В глазах сверкнуло, ноги подо-

гнулись, а руки свело, на мгновение. Она рухнула на дорогу. Сознание еще не покинуло ее, когда посыпались удары ногами. Сапоги вонзались в живот, спину, выбивали воздух из легких. Она ничего не видела кроме сапог. И последнее – подошва с кусками грязи. Прямо перед глазами. Больше ничего.

Дед Яков сидел на табуретке у открытой двери, и смотрел на дорогу. Он уже не оправдывал себя тем, что ему хочется подышать свежего воздуха. Что он вовсе не Полюшку дожидается. Может это из-за старости он стал таким беспокойным? Ночь наступала быстро, а Пелагеи все не было. Позади него послышался шум. Дед Яков прислушался. Из кухни. Кряхтя поднялся. Войдя в кухню, он увидел лежащий на полу нож. Как он мог скатиться со стола? Страх закрался в душу, обдав холодом.

– Полюшка!

Проговорил дед. В тот же момент в калитку влетел соседский парнишка, и закричал, не успев даже в дом войти.

– Дедушка! Дедушка! Там Пашку! Ее в больницу увезли. Избили!

Перед глазами поплыло. Дышать стало трудно, даже повернуть голову стало невозможно. А парнишка все добивал словами.

– На ней места живого нет! Голову проломили...

Дальше он не слышал. Старое тело со стуком упало на пол.

2

Тьма и тишина. Как же хорошо не чувствовать боли. Ничего не чувствовать. Нет ни земли, ни неба. Нет ничего. Как хорошо. Туман? Откуда здесь туман? Такой белый. Откуда-то пришло беспокойство. В тумане кто-то был. Она чувствовала чье-то присутствие. Но оно не пугало, лишь беспокоило, как беспокоит скорая встреча с близким человеком, которого давно не видел. Из глубины тумана начал проступать силуэт человека. Зависнув в бесконечном пространстве темноты, она наблюдала, как неясный силуэт приобретал очертания. Вот он приблизился, и она смогла рассмотреть его. Резкие черты лица, словно у каменной статуи смягчала теплая улыбка. Но она не вязалась с той печалью, что наполняли его глаза. Широкие плечи и руки с мозолистыми ладонями. Она отчетливо увидела, эти мозоли. И небольшую родинку между указательным и средним пальцем. Она успела рассмотреть все это в то мгновение, когда он протянул к ней руку и толкнул с тихим шепотом, – «Еще, не время». А потом долгое падение.

Боль вернулась. Она пронзила все тело. Голова раскалывалась. В горле что-то мешало. Не давало вздохнуть. Пошевелиться трудно. Сквозь веки проникал свет, от которого становилось больно глазам. Казалось, что тело опутано ремнями, которые не позволяют пошевелиться. Где я? Дедушка!

Пашка попыталась встать, но смогла лишь слегка пошевелить пальцами. Открыть глаза оказалось очень тяжело. Почти невозможно. И снова темнота, но уже другая. Из нее хотелось вынырнуть, во что бы то ни стало. Снова свет. Свет и боль. Снова попытка удержаться. Не уйти в темноту. Там ждало что-то мучительное. Что-то страшнее боли. Потому Пашка выныривала вновь и вновь. Она боролась изо всех сил. Она должна. Дедушка. Он ведь волнуется. Но почему так страшно думать о нем? Ей надо вернуться. Собрав всю свою волю, преодолевая страх, она вырвалась. Распахнула глаза и уставилась в белый потолок, все еще не веря в то, что тьма позади. И она уже туда не вернется. Кто-то, в белом халате подбежал к ней. Голос доносился, откуда то издалека. Трудно было сосредоточиться. Надо понять, что говорит голос.

– Ты меня слышишь?

Пашка попыталась ответить, но не смогла. Тогда она кивнула. И услышала.

– Хорошо. Сейчас я позову доктора. Все будет хорошо.

Выздоровление было долгим. Пашка узнала, что была в коме несколько дней. Что врачи не верили в то, что она выживет. И то, что она очнулась, можно назвать чудом. Они старательно избегали вопросов о дедушке, и Пашка поняла, что случилось то, чего она боялась. Еще там находясь в темноте, без сознания, она знала, что больше не увидит дедуш-

ку. Потому ей и было страшно думать о нем. Врачи ничего не говорили, стараясь не беспокоить ее. Пока Пашка напрямую не спросила.

– Мой дедушка. Он умер? Ведь так?

В ответ долгая тишина. Подтверждение ее слов. Она была права. Его сердце не выдержало. Спасти его не успели. Пришла апатия. Пашка днями на пролет лежала, безучастная ко всему, даже слезы не бежали из глаз. В один миг все рухнуло. Что у нее осталось? Только лес. Она знала, что люди умирают, но верила, что дедушка будет жить вечно. Глупо конечно, но ведь так не хочется, чтобы самые близкие тебе люди умирали. К чему было так бороться за жизнь? Нужно было остаться там в темноте. Там было так спокойно.

Она понимала, что нужно продолжать жить. Нужно бороться, но кто у нее остался? Никого. У других есть родители, братья, сестры. Может попытаться узнать что-нибудь о своих родителях? Может у нее есть брат или сестра? Для чего? Этого Пашка не знала. Просто уцепилась за эту мысль. Она сама не подозревала, что ее бойцовский характер не хочет сдаваться без борьбы. И эта мысль, не что иное, как попытка найти возможность продолжать жить.

Следователя пустили к ней лишь, когда перевели из реанимации в общую палату. У него были вопросы, на которые она не могла ответить. Кроме сапог нападавших она ничего не видела. Были ли у нее враги? А у кого их нет. Разго-

вор со следователем утомлял, но Пашка терпеливо отвечала до тех пор, пока ее голова не начала болеть. Лишь увидев, как она поморщилась, следователь прекратил бесполезные расспросы, попрощался и ушел. Он заходил еще не один раз, и уходил все с тем же результатом.

Время шло, Пашка медленно поправлялась. Она уже выходила во двор больницы, прогуливалась погруженная в свои мысли. Не замечая ничего и ни кого вокруг. В один из дней, следователь нашел ее сидящей на скамейке во дворе больницы и присел рядом. Он не задавал вопросов, просто сидел глядя вдаль и молчал. Пашка тоже молчала. Ей было все равно. Наконец следователь нарушил молчание.

– Мы нашли виновных.

В ответ молчание. Даже странно, но Пашке было не интересно.

– Не хочешь знать, кто на тебя напал?

– Зачем?

Следователь кашлянул. Видимо ее ответ смутил его.

– Хорошо. Ты все равно узнаешь со временем. Я по другому поводу.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями.

– Мне много рассказывали о тебе. В том числе и о твоём крутом нраве. Это правда, что ты браконьеров лупила?

– А что оставалось? Ведь ни одного не наказали из тех, что я приводила к участковому.

– Ясно. Даже мести не боялась?

Пашка посмотрела на следователя. Зачем ему этот разговор? Ему, что захотелось нотацию прочесть!?! Какая она не разумная? Что все бы обошлось, если бы она сдерживалась. Что ее дедушка был бы жив? Она это знает! И от того ей становится невыносимо тяжело. Ее вина, что сердце дедушки остановилось. Что ему ответить? Нечего.

– Я не стану читать тебе лекции. Не затем пришел. Просто не хочу заводить дело еще и на тебя.

Она удивилась такому повороту. С чего вдруг дело на нее заводить?

– Просто если ты решишь отомстить, то мне придется это сделать. Ты понимаешь?

– Отомстить?

У нее ни разу не возникла подобная мысль. Какая глупость. Она усмехнулась и покачала головой.

– Я хочу покончить с этим сразу. А месть, только пустит все по кругу. У меня в планах – жить.

Следователь долго смотрел на эту странную, молодую девушку, рассуждающую как умудренный опытом взрослый. Стало легче. Не придется решать эту проблему в будущем. Они еще какое-то время сидели молча, думая каждый о своем. Во дворе прогуливались больные, сновали медсестры. Появлялись родственники и друзья больных, с пакетами или сумками. Жизнь продолжалась.

Первую тень она увидела, выйдя за ворота больницы. Ма-

ленькая, похожая скорее на черный дым, чем на тень. Пашка отступила на шаг, пропуская ее. Кошка, пронеслась мысль. Ни страха, ни удивления. Она даже знала, что эту кошку сбילה машина, прямо напротив больничных ворот. Откуда она это знала? Просто увидела. Не задержавшись ни на минуту, она пошла прочь от больницы. Мир для нее изменился с того момента как она вынырнула из темноты. И она училась принимать его таким, каким видела теперь. Почему все так? Пашка знала, что там за гранью, с ней что-то произошло. Просто не могла вспомнить. Но она вспомнит со временем.

В больницу она попала в конце марта, а вышла в середине мая. Солнце пригревало по-летнему. На Пашке были джинсы, черная майка и легкая спортивная куртка. Вещи ей привез следователь. Она была ему благодарна за это. Вещи, в которых она попала в больницу, даже если их отмыть от крови и грязи, Пашка ни за что не одела бы. Волосы, состриженные в больнице под корень, успели немного отрасти. Солнце припекало голову, и Пашка подумала, что ей не помешает бейсболка.

– Эй, парень?

Пашка не остановилась. Кто-то схватил ее за руку.

– Слышь парень? У тебя закурить не будет?

Перед ней стоял высокий парнишка и вопросительно смотрел на нее. Пашка отрицательно покачала головой.

– С тобой все в порядке?

Он обеспокоенно посмотрел на нее. Пашка кашлянула,

протищая горло. Отчего-то она смутилась.

– Я в порядке.

– Ты бледный. Точно в порядке?

Пашка уставилась на него. Неужели она настолько похожа на парня, что даже по голосу не отличить?

– Я только что из больницы. Так, что все в порядке.

– Только выписался что ли? Тогда понятно. А, что ж за тобой никто не приехал?

Парень все еще держал ее за руку. Пашку это начало раздражать. Она вырвала руку и сказала.

– Не кому.

И пошла прочь.

– Эй, парень. Постой!

Она не обернулась. Вспомнились слова деда Якова. «Так и останешься Пашкой». Его слова становились реальностью. Почему ей не все равно?

3

Больница находилась в райцентре в двадцати километрах от Столбов. Добраться до деревни можно было на маршрутке. Подойдя к остановке, Пашка порылась в карманах и поморщилась. Денег не было. Придется идти пешком. Она могла договориться с водителем и отдать деньги за проезд позже, но ей не хотелось ни с кем говорить. Она повернулась, чтобы уйти, когда ее окликнул женский голос.

– Пашка!?

Это была тетя Вера. Вот уж кого она сейчас совсем не хотела встретить. Не потому, что не любила ее, а потому, что тетя Вера сейчас начнет плакать да причитать. А этого Пашке хотелось меньше всего.

– Ой, боже ш ты мой. Пашка. Да ты на себя не похожа! Вот бандиты, чтоб их скрючило. Разве ж так можно!?

Она рассматривала Пашку, поворачивая в разные стороны.

– Ой, а дед Яков то...

Пашка поняла, что сейчас начнутся причитания, и сказала.

– Я знаю. Теть Вера, я пойду.

– Куда ты пойдешь? Разве ты не домой?

– Домой.

– Так маршрутка скоро пойдет. У тебя, что денег нет

на маршрутку?

Пашка промолчала. Сейчас она хотела просто уйти.

– Ничего. Я заплачу.

– Не стоит.

– Брось, от пятидесяти рублей не обеднею. Ты ж мне как дочь.

Пашка только усмехнулась. Все дни в больнице прошли в одиночестве. Никто из односельчан не вспомнил о ней. Даже вещи привез следователь. Как дочь?

Видимо тетя Вера поняла, о чем думала Пашка, потому смутилась. Потупила глаза, засуетилась.

– Ты это, не дури. Поедем вместе.

Пашка согласилась лишь потому, что не хотелось спорить. В маршрутке, стоило Пашке сесть, воцарилась тишина. Все кто находился там, украдкой посматривали на нее, ерзали. Пашка откинулась назад и прикрыла глаза. До слуха долетел неразборчивый шёпот. Это раздражало. Пашка постаралась не обращать внимания, погрузившись в свои мысли. Наверное, ей изрядно промыли косточки, пока она лежала в больнице. А, все равно! Ей наплевать.

Взгляды провожали ее, пока она шла на кладбище, куда направилась, выйдя из маршрутки. Деревянный крест и холм земли, засыпанный цветами. Дедушку любили. Пашка знала, что похоронили его достойно. Вот только ее не было. Она не проводила его! Чувство вины подогнуло колени, и Пашка опустилась на землю. Опустила голову. Так просидела

она до тех пор, пока солнце не коснулось горизонта. Пашка вспоминала дедушку, просила прощения, говорила с ним, но не смогла заплакать. Слезы подступили к горлу, но не вышли из глаз, а опустились камнем на сердце. Лишь когда стемнело, она поднялась на ноги и побрела прочь с кладбища, оставляя позади все, что было ей дорого.

Труднее всего было войти в дом. Пашке понадобилось все ее мужество, чтобы переступить порог. Постояв в темноте, прислушиваясь к стонам осиротевшего дома, она прошла в спальню и легла на кровать. В одежде. Сняла лишь кроссовки. Так и пролежала всю ночь, глядя в потолок. Уснуть не смогла, и даже не пыталась. К утру Пашка поняла, что ей нужно немедленно приступить к делу, если она хочет выжить. Лежа в кровати и глядя в побеленный потолок она теряла силы и волю к жизни. Потому, лишь начало светать, Пашка поднялась с постели и начала собираться в дорогу. Собственно собирать было нечего. Она взяла паспорт, банковскую карточку, на которой накопилась приличная сумма. Деньги Пашка тратила в основном на продукты, и те покупала не много. Изредка приобретала что-то из одежды. Наряды и косметика ее не волновали. Дедушка получал пенсию на почте и сразу вносил все полученные деньги на банковский счет Пашки. Говорил, что это ей на приданное. Так, что Пашка была вполне завидной невестой. Узнай кто, сколько денег на ее счету, то отбоя в женихах не было бы. Пашка усмехнулась этим мыслям.

Затем она подошла к шкафу. Вещей у нее было мало, так, что с выбором, не было проблем. Она одела, черные брюки, синюю футболку, сверху спортивную куртку с капюшоном. Порывшись на верхней полке шкафа, выудила старую бейсболку с логотипом компании paik. Посмотрела на себя в зеркало. Короткие волосы, слишком, короткие. Худое и бледное лицо с темными кругами вокруг глаз. А сами глаза были черными. Наверное, они лишь казались такими из-за недостатка света. Хотя Пашку не удивило бы будь это самом деле так. Глаза казались большими из-за худобы. Маленький нос, слегка полноватые губы сжаты. Девичья фигура скрыта под спортивной одеждой. Опущенные плечи. В ней ничего женственного не было. Одним словом – Пашка. Не удивительно, что тот парень не понял, что она девушка. Она и сама бы спутала. Пашка вздохнула и одела бейсболку. Половина лица скрылась под козырьком. Так лучше. Может и хорошо, что она похожа на парня. Может так легче будет. Оглядевшись напоследок, Пашка проверила, висит ли на ее шее подвеска и пошла к двери. На пороге она остановилась, глядя на дорогу. Воздух показался ей плотным. Она выдохнула, медленно подняла руку и протянула вперед. Ее пальцы почувствовали холод, а в воздухе показались круги как от брошенного в воду камня. Пашка отступила назад. Нет, к такому она еще не готова. Круги исчезли, и протянув руку вновь она ничего не почувствовало. Все прошло. Сжав кулаки, Пашка шагнула за порог.

– Так сразу много не скажешь. Интересная вещица и судя по всему, ей не одна сотня лет.

Оценщик вертел подвеску в руках стараясь получше рассмотреть. Пашка не сводила с него пристального взгляда. Она приехала в город, чтобы больше узнать о подвеске, что оставили вместе с ней в лесу. Для этого она пришла к оценщику, сказав, что хочет узнать стоимость семейной реликвии.

– Оставьте мне подвеску на некоторое время, я поищу информацию и перезвоню вам. Естественно я оставлю вам расписку.

– Нет

– Не доверяете.

Пашка отрицательно покачала головой, не отрывая взгляда от лица оценщика. От этого взгляда ему было не по себе. Странный посетитель за все время ни разу не отвел взгляда. Более того, он не видел, чтобы этот человек моргнул хоть раз. Да и имени своего не назвал. Сказал, что ни к чему это. Очень странный тип. Пожалуй, не стоит с ним вообще связываться. Но подвеска может оказаться старинным, если не древним артефактом. Упускать такое сокровище из рук не хотелось.

– Ладно. Тогда позвольте, я сделаю несколько фотографий.

Пашка согласно кивнула головой продолжая наблюдать

за ним. Оценщик достал фотоаппарат и сделал снимки. Все это время Пашка сидела молча.

– Вот. Оставьте свой номер телефона, чтобы я мог перезвонить, когда что ни будь узнаю.

– У меня нет телефона.

– Как так? Что же делать?

– Я зайду через три дня.

Пашка протянула руку, и оценщик нехотя отдал ей подвеску.

Выйдя на улицу, Пашка немного постояла, раздумывая и пошла по оживленной улице, так и не решив куда, конкретно она пойдет. Это был ее первый день в большом городе. И с первого же взгляда они невзлюбили друг друга. Пашке не понравился город со своей торопливостью, шумом и запахом. А город невзлюбил Пашку, повсюду создавая препятствия и выказывая недоверие. Ей пришлось, потратить ни один час, чтобы найти комнату. В кафе на нее перевернули чашку с остатками чая. А толчки на улице и хамство ее уже начали выводить из себя. Она стискивала кулаки и старалась сдерживаться. Пока ей это удавалось. Но как долго она сможет сдерживаться? Теперь еще три дня придется здесь торчать.

Она сменила свою старую одежду на новый, спортивный костюм. Купила бейсболку и удобные кроссовки. Больше ей ничего не было нужно. Бродить бесцельно по улицам ей не хотелось, слишком много народа. Оставалось одно, вер-

нуться в съемную комнату и валяться на диване. Безрадостная перспектива. Пашка побрела во дворы, решив пойти в городской парк. Там и народу поменьше и воздух почище. Да и деревья растут. Конечно это не лес, но все же лучше чем городские улицы.

Сидя на скамейке, Пашка наблюдала за собачниками. Время от времени до нее долетали обрывки разговоров. Кто-то присаживался и просил закурить. Но в основном до нее никому не было никакого дела. Она просто сидела и смотрела в пространство. Еще три дня. А что потом? Пашка не знала. Две подружки присели рядом и начали о чем-то шептаться время от времени хихикая.

– А вы не скажете, который час?

Спросила одна из них. Пашка отрицательно покачала головой и подумала, что ей стоит приобрести часы. Телефон она покупать не хотела. Ей никто не позвонит, так зачем тратить деньги на бесполезную вещь. А вот часы пригодятся.

– Вы счастливый?

Донесся до сознания звонкий девичий голос. Пашка с удивлением посмотрела на нее. Та, улыбаясь и явно кокетничая, продолжила.

– Счастливые ведь не следят за временем.

Пашка усмехнулась. Ну, ну.

– Мы тоже счастливые. Может, познакомимся?

Пашка снова усмехнулась. Докатилась, уже девчонки с ней знакомятся.

– Ты уверена?

– Конечно. У тебя ведь нет девушки? Раз сидишь здесь один. Или она не пришла?

Пашка чуть не поперхнулась, представив себя на свиданье с девушкой. Она потеряла висок. Сказать им, что она девушка? Пашка посмотрела на девчонок. Пожалуй, не стоит их смущать. Надо выходить из положения.

– Все это мило, но я не думаю, что нам стоит знакомиться.

Пашка поднялась, чтобы уйти, когда одна и девчонок сказала.

– Ты, что голубой?

Пашка даже замерла. Ну, в каком-то смысле она права. Ей нравятся мужчины. Вот только не хотелось выставлять себя геем. Внутри Пашки выскочил чертик. Она развернулась, и резко наклонилась над девушкой, уперев руку в спинку лавочки. Пристально посмотрела ей в глаза. Приблизила лицо, не отрывая взгляда. И тихо произнесла.

– Не люблю, когда девушки сами напрашиваются на знакомство. Усмехнулась, не отводя взгляда и распрямившись, пошла прочь.

– Уф, аж мурашки по коже побежали.

Услышала она за спиной и усмехнулась. Надо же. Значит, она не просто выглядит как парень, а даже симпатичный парень. Пашка впервые, после того как очнулась в больнице, весело улыбнулась. Такое маленькое происшествие, а настроение немного улучшилось. Пашка подумала, что все-та-

ки она сможет вернуться к прежней жизни. Хотя нет. Она начнет новую жизнь. И ей стоит подумать, над тем как она выглядит. Ведь дедушка хотел, чтобы она была счастлива. Чтобы встретила своего суженого и вышла замуж. А в таком виде она скорее подцепит девчонку, чем парня. Ничего, вот отрастут волосы. Может она даже сменит брюки на платье!?! Хотя вряд ли. Может, только иногда будет одевать.

– Береги, что от отца тебе досталось.

Пашку за руку ухватила женщина, возраст которой сложно было определить. Она казалась уставшей, даже изможденной. В глазах было выражение сочувствия. Она подняла руку и осторожно погладила Пашку по голове.

– Только ведь от смерти ушла, а она уж по пятам гонится. Беги Полюшка, беги.

– Откуда вы меня знаете!?!

Сердце Пашки ухнуло вниз. Полюшкой ее только дед Яков называл.

– Верно. Лучше Пашкой будь. Так вернее будет. Ты не стой, беги милая.

Женщина словно очнувшись ото сна, осмотрелась по сторонам. Отпустила руку Пашки, перекрестила ее и быстро пошла прочь.

Беги? От чего? Что от отца досталось? Пашка машинально нащупала подвеску. Может...

Додумать она не успела. Послышался нарастающий вздох. Казалось, он звучит отовсюду. Холодок пробежал по коже.

Пашка подняла взгляд. Прямо на нее неслась тень. Огромная, бесформенная. Дыхание перехватило от страха. Пашка сделала шаг назад, и сразу же развернулась на месте. Выкинула инстинктивно руку вперед. Воздух пошел кругами, и Пашка задержав дыхание шагнула в холодный и вязкий воздух.

Звук упавшей в воду капли и тишина. Легкий ветерок коснулся щеки. Пашка не спешила открывать глаза. Стояла, слегка согнув колени и расставив руки в стороны словно только, что приземлилась. Прислушивалась к звукам. Шелест листьев. Конечно! Листья и аромат, который бывает только в лесу. Неужели она вернулась в родной лес!? Она распахнула глаза. Это был лес, но не ее. В своем лесу она каждую тропинку знает, каждое деревце и кустик. И ее лес растет не на склоне! До слуха Пашки долетел шум. Топот копыт, громкие выкрики. Пашка стояла на лесной дороге, которая поворачивала метрах в пятнадцати от нее. И вот из-за этого поворота и вылетел долговязый парень, с длинными руками и ногами. Большие глаза, распахнулись, увидев Пашку, пухлые губы раскрылись и с криком.

– Ащц.

Он замахал своими длинными руками как ветряная мельница, стараясь затормозить. Поднялась пыль и парень остановился рядом с ней. Посмотрел на нее удивленно и выпалил.

– Что стоишь придурок, мотаем отсюда.

Он схватил Пашку за руку и потащил за собой. Пашка побежала, ничего не понимая, но звуки погони не дали ей времени на раздумья. Они шмыгнули вбок, сбежав с дороги

в гущу леса. Понеслись среди деревьев, перескакивая через невысокие кусты. Спрыгнули с обрыва. На секунду остановились. Парень быстро огляделся и махнул рукой в сторону зарослей папоротника.

– Туда.

Папоротник здесь был выше, чем в лесу, где Пашка была лесничим. Парень повалил ее на землю, закрыл рот рукой и прижал своим туловищем к земле. Звуки погони стали ближе. Пашка не могла вдохнуть полной грудью. Мешала рука парня. Она делала короткие вздохи, стараясь делать как можно меньше шума.

– Смотрите лучше. Если не поймаем его, нам не поздоровится.

Где-то хрустнула ветка.

– Он там!

Шум погони стал удаляться. Парень убрал, наконец, руку и Пашка смогла вдохнуть свободно. Но тело по-прежнему прижимало ее к земле.

– Слезь с меня!

Пашка, вывернувшись и пнула парня ногой.

– Уй! Че пинаешься?

– А нечего разлеживаться на мне! Тоже мне, диван нашел.

– Бешеный какой-то.

Пробурчал парень, потирая ушибленную ногу.

– Я вообще-то тебя спас. Неблагодарный.

– От кого? Они, похоже, тебя искали, а не меня.

– А им будто не все равно, одного привезти или двоих.

Проворчал парень.

– Пошли отсюда. Пока они не поняли, что не за тем погнались, надо убраться подальше. Тут неподалеку есть вход в пещеры. Его мало кто знает. Там перебьемся до темноты, а потом умотаем куда подальше.

– Что ты командуешь! С чего вдруг мне с тобой переть.

Парень выдохнул с нетерпением. Потом упер руку в бок, склонил голову набок и осмотрел ее с ног до головы.

– Судя по одежде, ты издалека и ничего не знаешь о здешних порядках. Хочешь в передрагу попасть? Прекрасно. Те ублюдки будут рады доставить своим хозяевам тело для жертвоприношений.

– Чего!

Пашка не поверила своим ушам. Жертвоприношение?

– Так ты идешь?

Парень оглянулся через плечо, направляясь к пещерам. Куда было Пашке деваться? Она действительно ничего не знала о здешних порядках. Да она даже не знала, где находится! А парень вроде ничего – нормальный. И она пошла следом.

– Тебя как зовут?

– Пашка.

Буркнула она. Она решила не говорить ему, что она девушка. Вспомнились слова женщины. Лучше будь Пашкой.

– Странное имя. Меня Чху зовут.

– А у тебя имя зашибись нормальное! Словно кто-то чихнул.

– Чихнул!?

Парень почесал затылок и пожал плечами.

– По-моему нормальное имя. Слышь пацан, а ты откуда, и че такой нервный?

– Издалека.

Коротко сказала Пашка и пошла вперед. Парень шел, следом разглядывая нового знакомого. Маленький, худенький, а бегаёт хорошо. Кепка странная, здесь таких нет, да и костюм тоже. Ну, костюм положим ничего, сойдет. Нечто подобное в городе носили. Новая мода пошла. Правда, позволить такие костюмы себе могут только богатеи. Неужто тоже из дома сбежал? Парнишка снял кепку, и ударил по ноге, стряхивая налипшую листву. Чху поднял взгляд на затылок и его рот раскрылся. На затылке был большой шрам, как от топора. Клок седых волос. Парень надел кепку. Видимым остался лишь небольшой пучок седых волос. Похоже, ему крепко досталось. Может потому и нервный такой? Чху кашлянул в кулак и прибавил шагу.

Вход в пещеру был скрыт разросшимися кустами дерна. Да входом это назвать было трудно, скорее лаз. С трудом продравшись через колючий кустарник, они на четвереньках влезли внутрь. Уходить далеко от лаза не стали. Как только пещера расширилась достаточно для того, чтобы можно бы-

ло сесть и вытянуть ноги, они остановились. Разместились, как смогли, удобнее.

– Ну, что, давай знакомиться?

– Лучше расскажи мне о здешних порядках.

– А ты откуда пришел?

– Тебе какая разница?

– Ммммм, никакой. Но интересно.

Пашка только хмыкнула. Чху рассматривал ее, прищурив один глаз совсем не стесняясь.

– Чего пялишься! У меня, что рога выросли?

– Пока нет. А что должны?

Пашка от неожиданности даже не нашлась, что ответить.

Чху усмехнулся и сжалился над ней.

– Ладно, не хочешь рассказывать не надо. Я тоже не горю желанием рассказывать о себе. Так с чего начать?

– С самого начала. Что это за место? Кто здесь рулит и вообще.

– Рулит? И как понять, что это за место? Ты задаешь такие странные вопросы, словно не знаешь, где находишься!?

Пашка мысленно прикусила себе язык. Вот пустоголовая. И как теперь выкручиваться? Не рассказывать же ему всю правду.

– Я не по своей воле сюда попал. Не помню ничего. Очнулся в лесу. Так, что не знаю где я.

Как в кино. Упал, сломал руку, потерял сознание, очнулся, гипс. Даже стыдно стало. Но, что поделаешь. Ей придется

еще много врать, чтобы не раскрыть себя.

– Шрам у тебя на голове. Из-за него не помнишь? От такой раны и умереть можно.

Пашка непроизвольно дёрнулась. Но постаралась взять себя в руки. Только вот от пристального взгляда Чху ничего не укрылось.

– Понятно. Вернулся. Один вопрос ты... А все равно.

Внезапно, он передумал задавать вопрос, и Пашка испытала облегчение.

– В общем так.

Чху оживился. Поерзал и заговорил.

– Ты оказался в лесу, который вплотную примыкает к городу Нганми. Это главный город страны Зордания. У нас две власти. Одна мирская, другая, так сказать духовная.

– В смысле так сказать?

– В том то и дело, что, по сути, они управляют всем. Правитель только указания выполняет и всякой мелочью занимается. Но вид делается такой, что простые граждане верят, что правитель что-то может. А на самом деле, все решают жрецы.

– А почему у них такая власть? Из-за жертвоприношений? Держат народ в страхе?

– В точку. Тут не только жертвоприношения. Есть легенда. Было время, когда вся власть была в руках правителя Зордании. Этот правитель вдруг решил, что богам не нужны жертвоприношения и, не смотря на увещевания жрецов,

прекратил резать ни в чем не повинных граждан. И боги, естественно, разгневались. И ниспослали на главный город огонь небесный, который открыл врата ада, дабы все увидели, от какого ужаса боги защищают людей. А тем жалко раз в год прирезать своего соотечественника, в благодарность за их нелегкий труд. И вырвались из преисподней твари жуткие. Полегло много народа, пока жрецы неустанно молясь и принося жертвы, не уломали богов сжалиться над грешными. Тогда боги поставили на том месте врата и обязали жрецов служить вдвое усерднее. Но, боги поставили условие. Если кто-то из смертных нарушит их обеты, то боги будут выпускать в мир монстров. На том месте, где находятся врата, был построен храм, а жрецы стали указывать правителю, что делать. Вот уже почти сто лет, дважды в год, проходят ритуальные жертвоприношения. А время от времени в мир попадают иные существа, и тогда жрецы проливают еще больше крови, чтобы боги даровали им силу победить вырвавшихся чудовищ. Как тебе сказка?

Пашка слушала с ужасом. И то, что Чху, рассказывал все так спокойно ее пугало еще больше. Лишь последняя фраза как-то не вписывалась в этот кошмар. Может это только рассказы? Неужели и вправду проливается столько крови?

– Если это сказка то, что на самом деле?

Парень пожал плечами.

– Кто ж знает. Жрецы не любят трепаться.

– Но ты ведь не веришь во все это?

– Я-то нет, но люди верят. Они запуганы.

– А ты значит не из пугливых!

Парень растянул рот в улыбке. Получилось забавно. Вообще Чху был немного смешным. Круглолицый с оттопыренными ушами, он обладал богатой мимикой. Говорил он легко, шутил и гримасничал. Причем выходило у него это мило. К тому же он был высоким и худым. Рубашка с длинными рукавами болталась на нем как на вешалке. А длинные ноги не помещались в этой крохотной пещерке. На вид ему было не больше восемнадцати.

– Ладно. С этим более менее ясно. Как у вас относятся к чужакам?

– Серьезно!? Ты, что собрался бродить в одиночку?

– А в чем проблема?

– Ну, ты даешь! У тебя хоть какие-то документы есть?

Пашка подумала о своем паспорте, здесь он бесполезен.

– Тогда забудь, что ты человек. Тебе ни кто воды не подаст, не то, что на ночлег пустить, или работу дать. Да какой там! Ты из леса вряд ли выйдешь. Первый же встречный пришьет.

– А ты чего не прибил?

Пашка разозлилась. Чего он на нее наехал?

– Считай, что я особенный. Или идиот. Как тебе нравится.

Он отвернулся и сжал губы. Похоже, парень злился. Внутри у Пашки тоже все бурлило, и хоть она и понимала, что в одиночку она здесь сгинет, извиниться не могла. С чего

вдруг он о ней беспокоится? И словно отвечая на ее вопрос, Чху сказал.

– Ты можешь мне не верить, но я сыт по горло здешними порядками и с большим удовольствием насолю храму. Да и вдвоем, как-то веселее. Как ты на это смотришь?

– А куда я денусь? Выбора то у меня нет, если я хочу выжить.

Парень расплылся в улыбке, а Пашка вздохнула с облегчением. До ссоры не дошло. Ей так трудно было удержаться. Все, что происходило с ней, сводило с ума. Ей нужно было время, чтобы прийти в себя. Подумать. Хотя, о чем тут думать! Похоже, тут нужно выживать. А чтобы выжить, нужен этот парень. Что ж, пусть так и будет.

До темноты еще оставалась пара часов. Пашке не хотелось сейчас разговаривать. Ей хотелось подумать. Или просто посидеть в тишине. В голове стоял звон, мысли путались, и хоть ей и не хотелось этого признавать, но в душу закрадывался страх. Чху, после нескольких попыток завести разговор, сдался и сидел, молча рассматривая своего нового знакомого. Пашка не обращала на него внимание. Она откинула голову и прикрыла глаза. В голове роились мысли. Странно, но она ни разу не подумала о том, что все произошедшее с ней не реально. Она не пыталась себя убедить в этом. Вместо этого она с досадой думала, что не успела ничего узнать о подвеске. словно это могло помочь ей сейчас.

Машинально она начала рисовать пальцем в пыли, на полу крохотной пещерки очертания подвески. Что если это не просто художественная работа!? Вороны, кот. С ними связано много суеверий. Что если это символы? Только вот птица с расправленными крыльями не вписывалась. Она походила на воробья. Суеверий, связанных с воробьями она не знала. Просто мелкие, нахальные птички и все. Уф! Как все сложно. Может и нет никакого смысла во всем этом?

– Станный рисунок.

Голос Чху вернул ее к реальности. Она понадеялась, что не заговорила вслух.

– Почему странный?

– Вороны? Кот? Воробей? И ничего странного? Кстати, а почему ты их именно так нарисовал?

Он, что, знает о подвеске!? Иначе, зачем ему спрашивать? Нет. Рассказывать ему не стоит.

– А, что в них такого?

Чху вглядывался в лицо Пашки. Она изо всех сил старалась придать выражению своего лица непонимание. Как бы выведать у него, что он знает? И тут ей пришла в голову мысль.

– Просто задумался. Мы как-то с друзьями, помню, спорили. Ворон это символ смерти или мудрости? Ты как считаешь?

– Смерти? С какого перепуга? Вороны всегда символизировали мудрость. Только кот тут причем?

– Люблю кошек. Коты ведь могут видеть то, что не может видеть человек. Они живут в двух мирах.

– Живут они там, где родились, а вот видеть действительно могут. Но почему именно такой рисунок. Ты так и не ответил.

– Да леший его знает? Просто само вышло. Говорю же – задумался. А, что ты так занервничал? Этот рисунок, что-то означает?

– А ты не знаешь?

Пашка начала злиться. И потому выпалила первое, что пришло ей в голову.

– Знаю. Если бы были мозги как у ворона, да зрение как у кота, умотал бы отсюда как тот воробей, от сойки. Что еще это может означать!?

Чху рассмеялся. Потом примирительно сказал.

– Прости. Я сейчас все объясню. Я однажды видел такой рисунок. Точь-в-точь. И это не просто рисунок, это символы. Ворон – мудрость. Кот – возможность видеть путь. Воробей – проводник.

– Проводник куда?

– В другие миры. Ты не знал? Часто, ошибочно предполагают, что воробей провожает души умерших людей в загробный мир. И насколько я знаю, тот рисунок был сделан с одной вещицы, которую утратили лет этак двадцать назад. Странно, что ты его нарисовал.

Пашка смутилась. И как теперь выкручиваться?

– Случайно вышло.

Чху, вдруг с легкостью ответил.

– Бывает. Уже стемнело. Пора двигаться.

Пашка не боялась ночного леса. Ей даже нравилось наблюдать как привычные, при дневном свете кусты и деревья, в ночное время превращаются в неземные создания. Стоит лишь добавить чуточку воображения, и ты оказываешься не в лесу, а на другой планете. Но сейчас все было иначе. Она чувствовала себя брошенной. Сердце ныло. И все, что она могла сделать, это смотреть под ноги.

– Не бойшься?

Чху нарушил молчание. Пашка хмыкнула.

– С чего мне бояться?

– Все-таки лес, ночь, звери всякие бродят. Существа разные.

– Какие еще существа!? Ты прям как дите малое. Страшилки выдумываешь.

– Ничего я не выдумываю. Пашка, ты как с другой планеты.

– С этой я планеты. И зверей не боюсь. А вот существа всякие, так их только малышня выдумывает, чтобы пугать друг друга.

– Серьезно? То есть о лешем, берегинях, о духах леса ты не слышал?

– Слышал. В сказках. Хватит уже мне голову морочить.

– Похоже, тебе знатно приложили.

Тихо пробормотал Чху. Пашка услышала его слова, но промолчала. А, что если и впрямь тут есть леший и прочая нечисть. Дед Яков, часто говорил ей, что не стоит утверждать, что лешего нет, только потому, что ты его не видел. А тут вон, жрецы. Да и что она вообще знает об этом мире!? Ничего. Может свалить отсюда куда-нибудь? Только вот куда и как? Она ведь понятия не имела, как она попала сюда. Да если бы и знала как, куда она пойдет. Здесь хоть этот странный парень есть. Он вроде безобидный.

– Тихо! Стой.

Чху взял Пашку за плечо и приложил палец к губам.

Прислушался. Пашка тоже стала прислушиваться. Из глубины леса доносились звуки человеческой речи. Кто-то, судя по всему ругался. Можно было различить звуки падения чего-то тяжелого. Все так же призывая к молчанию, Чху двинулся в сторону доносившихся до них звуков. Осторожно передвигаясь, они подошли достаточно близко, чтобы увидеть, что происходит. Воткнутые в землю факелы давали достаточно света, чтобы различить, троих мужчин в красных одеждах. Они, с яростью разбрасывали камни, топтали ногами цветы и венки, лежавшие на земле. Били глиняные горшки. Все это они густо покрывали бранью. Так продолжалось минут пятнадцать. Чтобы не находилось на лесной поляне, оно было уничтожено. В довершении всего, один из вандалов, спустил штаны, и под одобрительный хохот, помочился. Чху рванулся было вперед, сжав кулаки, но Пашка успела перехватить его. Она жестом показала ему, что он свихнулся, если хочет вступить с ними в драку. Глаза Чху горели гневом, и Пашка даже немного испугалась. Тот ли это болтливый мальчишка, которого она встретила на лесной дороге!? Все же Чху отступил. Продолжая сжимать кулаки он, сделал шаг назад.

Они укрылись в тени развесистого дуба, и подождали пока мужчины в красном, не покинут это место. Лишь когда те убрались восвояси, они выбрались на поляну.

– Уроды!? Ты это видел? И так они поступают со всеми капищами, что находят.

– Капище! Точно!

Все то время, что Пашка наблюдала за вандализмом, у нее крутилась в голове мысль. Все эти камни, венки, глиняная посуда, все это ей, что-то напоминало. Только она не могла вспомнить, что. Когда ей было лет четырнадцать, дед Яков показывал ей капище, сохранившееся в лесной чаще. Тогда у них и зашел разговор о лешем. Дедушка бережно ухаживал за этим капищем, и Пашку научил. Когда она стала лесником, то продолжила ухаживать, особо не веря в духов.

Чху, без лишних слов принялся восстанавливать разрушенное капище. Пашка присоединилась к нему.

– Ты только говори мне, что делать, я не особо сведущ в таких делах.

Чху с удивлением взглянул на нее, но промолчал. Работали они при неярком свете луны. Чху коротко объяснял, что куда уложить и как. Пашка подчинялась, изредка поглядывая на парня. Он все еще был зол. И именно эта его злость понравилась Пашке. Эта работа над восстановлением капища сблизила их лучше, чем тысячи слов.

Закончив улаживать камни, Чху достал из сумки кусок хлеба и, разломив его на три куска, разложил на плоских камнях.

– Конечно, духи не скоро вернуться сюда, но птицы прилетят.

Уже начало светать, когда они отправились дальше. Им повезло. Они не встретили никого на своем пути. А ночное

происшествие, помогло им стать если и не друзьями, то приятелями. Пашка стала больше доверять Чху. Слушала его болтовню и понимала, что жизнь, все-таки продолжается.

6

Запасы провизии, прихваченные Чху в дорогу, закончились уже через пару дней. Но парень не унывал. Пашка тоже, особо не волновалась. Они были в лесу, а уж как прокормить себя, Пашка знала. Понадобиться и Чху прокормит. Но у него были другие планы.

– Мы уже скоро будем проходить одну деревушку. Там и разживемся припасами.

– Стоит ли рисковать? Лес может прокормить нас не хуже трактирщика.

– Э. Я понимаю, но все же хлеб нам не помешает. Да и молоком разжиться можно.

Чху даже зажмурился от удовольствия. Пашка только головой покачала.

– Да ладно тебе! Чего страшного-то? Мы же не будем там задерживаться.

– Как скажешь.

Только и ответила Пашка, и пошла дальше.

– Вот ведь! Чего ты такой мрачный?

– Мне прыгать от радости?

– Не обязательно. Тебе, похоже, туго пришлось. Я не буду расспрашивать, сам не люблю вспоминать. Но все, что было, ведь в прошлом. Мы свободны. Можем идти куда захотим. Это же здорово!

Пашка только взглянула на него, и все. Снова промолчала, но Чху и не собирался молчать.

– Кстати по поводу риска. Чтобы ни кто не понял, что ты чужак, тебе нужно всего-то помалкивать, да в землю посматривать.

Пашка удивленно уставилась на него. В землю смотреть? С какой стати!?

– Так будет надежнее. Говорить буду я, а ты просто скромненько так постоишь в сторонке. Скажу, что ты стеснительный и все дела.

– Да уж поговорить ты любишь. Тебя прям хлебом не корми, дай только потрепаться.

Почему она испытывает раздражение? Разве из-за болтливости Чху? Эта его слабость была ей только на руку. Не надо было ничего выпытывать. Все сам рассказывал, стоило только проявить интерес. Тогда, что? Чху забавный. Когда солнце светило ему в затылок, его оттопыренные уши становились розовыми и прозрачными. И еще эта его улыбка. Прямо рожица, что она рисовала в детстве на запотевших стеклах. Наверное, это и раздражало. То, что он такой позитивный и добрый. Ее спас, беспокоиться, старается развеселить, а она ему врет. Пашка порывалась рассказать ему, что она вовсе не парень, но всякий раз вспоминала слова женщины и останавливалась. И это раздражало. Очень сильно раздражало.

К деревне они подошли уже за полдень. Солнце припека-

ло. Пашка уже давно сняла олимпийку и повязала ее вокруг талии. Хорошо, что майка была свободной и легко скрывала маленькую грудь Пашки. Все равно она боялась, что Чху, рано или поздно заметит. Надо бы раздобыть какую-нибудь тряпицу и перемотать грудь, чтобы не выпирала. Может в деревне удастся разжиться чем-нибудь подходящим. Потому Пашка и согласилась так быстро.

Деревушка была маленькой. Всего пара кривых улиц. Невысокие домишки, мазанные глиной. Даже не все были выбелены. Невысокие заборы из жердей. Сарайчики, да клочки возделанной земли. Видно было, что живут люди тяжело. Но босая ребятня, наполняла улицы гомоном, преображая убогую деревушку. Становилось не так тягостно смотреть бедность, царившую в этой деревеньке. Из двора, ничем не отличающегося от других дворов, выглянула женщина. Приложив ладонь ко лбу козырьком, она посмотрела в сторону резвящейся ребятни. Видимо выглядывала своего. За детьми глаз да глаз нужен. К ней и направились Чху с Пашкой.

– Добрый день хозяйюшка!

Чху, в пояс поклонился обернувшейся к ним женщине.

– Добрый.

Ответила она, с подозрением оглядывая Чху, а затем и Пашку остановившуюся поодаль и опустившую голову.

– Мы с братом из города идем в Синери. Хотим ремеслу учиться. Говорят, столяр учеников набирает. Решили, вот

счастья попытаться. Путь не близкий, а у нас вода закончилась. Вот как последний хлеб доели вчера, так и вода закончилась. Утром из ручья попили, а солнце-то припекает. Нельзя ли у вас водицей разжиться.

На лице женщины появилось выражение сострадания. А Пашка рада была, что смотрит в землю и козырек бейсболки скрывает ее лицо. Она не смогла удержать ухмылку, услышав, что говорит Чху.

– Да неужто вот так и пойдете без припасов!?! Путь то и в самом деле не близкий. Давайте я вам хоть хлеба в дорогу дам, да молочка налью. Разве ж так можно! На голодный желудок-то!

И она, продолжая восклицать, пошла в дом. А Пашка не выдержала и скулящим голосом проговорила.

– Тетенька, дайте воды попить, а то есть охота, аж переночевать негде!

Чху приснул в кулак. Он бы расхохотался бы в полный голос, если бы к ним, бесцеремонно вглядываясь, не подошел бы дедушка. Он шел от соседнего двора. Не торопясь, то и дело, склоняясь видимо из-за больной спины. Потому как держался за поясницу. Чху поклонился и ему. Поинтересовался здоровьем. Дед, кряхтя, поклонился в ответ.

– Далече идете ребятки?

Продолжая вглядываться, спросил он.

– В Синери, дедушка.

– Далеко, далеко. Но вам то молодым, то не дорога, а так

прогулка. Я вот по молодости не токма в Синери ходил, а и до Требских гор пешком хаживал.

– Неужто аж до Требских гор ходили!

Чху удивился из вежливости, чтобы польстить старику. А тот с Пашки глаз не сводил, и все норовил под козырек заглянуть.

– А чтой хлопец все в землю смотрит? Боится чего, али скрывает что?

– Ну, что вы дедушка. Мой брат очень уж стеснительный. Я ему уже не раз говорил, что не дело это все в сторонке стоять да головы не поднимать. Люди не так поймут. Но он все скромничает. Ничего! Пока до Синери доберемся, я его перевоспитаю.

И Чху притянул Пашку к себе за плечи. Его широкая ладонь, легко обхватила Пашкино плечо и легонько сжала. Ей стало не по себе от чего-то.

– Ясно, ясно. Мало нонче таких. Вот в мое время помню, мы на взрослых глаз не поднимали, а уж поперек говорить и вовсе не умели. Не то, что нонешняя молодежь.

– Да будет тебе дедушка, говорить то. Хорошая нынче молодежь, как и в твое время была. Вы тоже не ангелами были. Нечего ребят смущать.

Заступилась за них женщина, выйдя из двора и передавая Чху увесистый узелок.

– Ишь, раскудахталась.

Проворчал дед, щурясь на солнце и не оставляя попы-

ток рассмотреть Пашкино лицо. Это уже начало злиться. Ее так и подмывало поднять голову и взглянуть ему в глаза. Да спросить, не выросли ли грибы у нее на щеках. Пашка едва сдерживалась. Чху понял ее и, отблагодарив хозяйку за щедрость, отвесив поклон бабушке, распрощался с ними. Пашка так же поблагодарила поклоном.

Деревушка была настолько маленькой, что понадобилось чуть больше пятнадцати минут, чтобы выйти за околицу. За это время Чху не произнес ни слова, что было странно. Пашка даже пару раз взглянула на него исподтишка. Он, похоже, нервничал. Губы сжаты, брови сдвинуты.

– Дедушка слишком подозрительный, вот и нервничаю.

Вдруг сказал Чху. Похоже, он заметил Пашкины взгляды. Она, почему то смутилась, словно ее поймали на чем-то недозволенном. Она кашлянула, прочищая горло и ответила.

– Он так старался рассмотреть мое лицо. Почему я должен прятать его?

Неожиданно спросила она. Чху не успел ответить. Они услышали топот ног, а за тем и крики.

– Стой!

К ним шли трое верзил с воинственным выражением на лицах. Они приближались, и Чху с досадой прошептал себе под нос.

– Так и знал!

– А ну тормози – холера!

Выкрикнул один и ускорил шаг. Похоже, это был стар-

ший. В свободных, полотняных штанах, Рубашке с оборванными рукавами, и стоптанных ботинках. Высокий, с нечесаной, густой шевелюрой и торчащей в разные стороны бородой. На вид лет сорока, а может и больше. За ним, ускоряя шаг, почти бежали двое. Безбородые, в одних штанах, подпоясанных бечевой. Оба широкоплечие, мускулистые и настроенные решительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.